

СТРАТИГРАФИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019–2021 гг.

© 2023 г. В. Ю. Коваль^{1,*}, Р. Н. Модин^{1,**}, Н. А. Макаров^{1,***}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: kovaloka@mail.ru

**E-mail: modin.roman@mail.ru

***E-mail: nmakarov10@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.03.2023 г.

После доработки 31.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В 2019–2021 гг. Институтом археологии РАН проведены раскопки в Большом сквере Московского Кремля, к востоку от Архангельского собора, где в XVI–XVII вв. размещались Приказы – органы центрального управления Русского государства. В толще отложений, общая мощность которых достигала 6 м, удалось выделить несколько слоев, часть из которых включала в себя строительный мусор от возведения зданий Старых (1591 г.) и Новых (1675–1682 гг.) Приказов. Фундаменты приказных зданий прорезали более ранние отложения второй половины XII–XVI в., среди которых особо выделялся слой с остатками мощных пожаров конца XV в., уничтоживших деревянную застройку усадьбы, принадлежавшей, вероятно, потомкам князя Владимира Андреевича Храброго. Выделяется и слой XIV в., насыщенный разнообразными импортами, который допустимо связывать с частью территории двора самого Владимира Андреевича.

Ключевые слова: археология, средневековый город, стратиграфия, культурный слой, хронология.

DOI: 10.31857/S0869606323030133, **EDN:** PVPBPA

Стратиграфия культурного слоя – первый и главный предмет изучения любого поселенческого памятника как основа для разработки его общей хронологии и хронологической привязки размещающихся в нем остатков монументальных, фортификационных, жилых и хозяйственных построек. Поэтому стратиграфия Московского Кремля находилась в центре внимания всех археологов, занимавшихся исследованиями этого выдающегося памятника древности.

Первый опыт стратиграфического членения культурного слоя центральных районов Москвы, включая Кремль, был предпринят более 50 лет назад М.Г. Рабиновичем, выделившим последовательные слои: первый был датирован XVII–XX вв., второй – XIV–XVII вв., третий – XI–XIV вв. (Рабинович, 1971). Но сегодня стратиграфическая шкала М.Г. Рабиновича уже не может удовлетворять требованиям науки: благодаря работам Института археологии РАН в Московском Кремле, на Красной площади, в Зарядье, на участках крупнейших монастырей, удалось получить принципиально новые данные о культурном слое Москвы.

Первые выводы о стратиграфии участка к востоку от Архангельского собора в Большом

Кремлевском сквере (рис. 1, А) нашли отражение в предварительной публикации результатов исследований (Макаров и др., 2020. С. 99–102. Рис. 3, Б), однако без обоснования предлагаемых датировок и характеристик самих слоев. К тому же тогда были допущены небольшие ошибки в разделении слоев на опубликованном профиле раскопа. Непосредственно в ходе раскопок формировалась и стратиграфическая шкала, хронологическое членение которой основывалось на идентификации прослоек строительного мусора, связанных с возведением известных по письменным источникам каменных зданий (Старых и Новых Приказов), на распределении монетных и других датирующих находок во вскрывавшихся контекстах, на структуре массового керамического материала и радиоуглеродном датировании прослоек пожаров. Выделявшиеся слои нумеровались по мере продвижения сверху вниз, причем к слоям, получившим цифровую нумерацию, добавлялись “промежуточные”, у которых к цифровому номеру в ряде случаев добавлялся буквенный маркер “а”. Такие случаи возникали, когда обнаруживались прослойки, предположительно связанные с какими-то крупными событиями (строительство, пожар),

Рис. 1. Размещение раскопа в Большом сквере (А) и стратиграфия юго-западного борта раскопа (Б). А — на схеме южной части Московского Кремля (Р — раскоп). Б — нижняя часть профиля фиксировалась отдельно от верхней, их совмещение проведено искусственно. Цифрами обозначены номера слоев, ВГ — верхний горизонт.

Fig. 1. The location of the excavation site in the Great Garden (А) and the stratigraphy of the southwestern wall of the excavation site (Б)

датировка которых в процессе раскопок могла еще только предполагаться, но уже требовалось отделить материал этой прослойки от более ранних и более поздних.

Несмотря на наличие в раскопе остатков деревянных построек, получить серию дендрохронологических дат и использовать их как основу для датирования отдельных слоев не удалось. Боль-

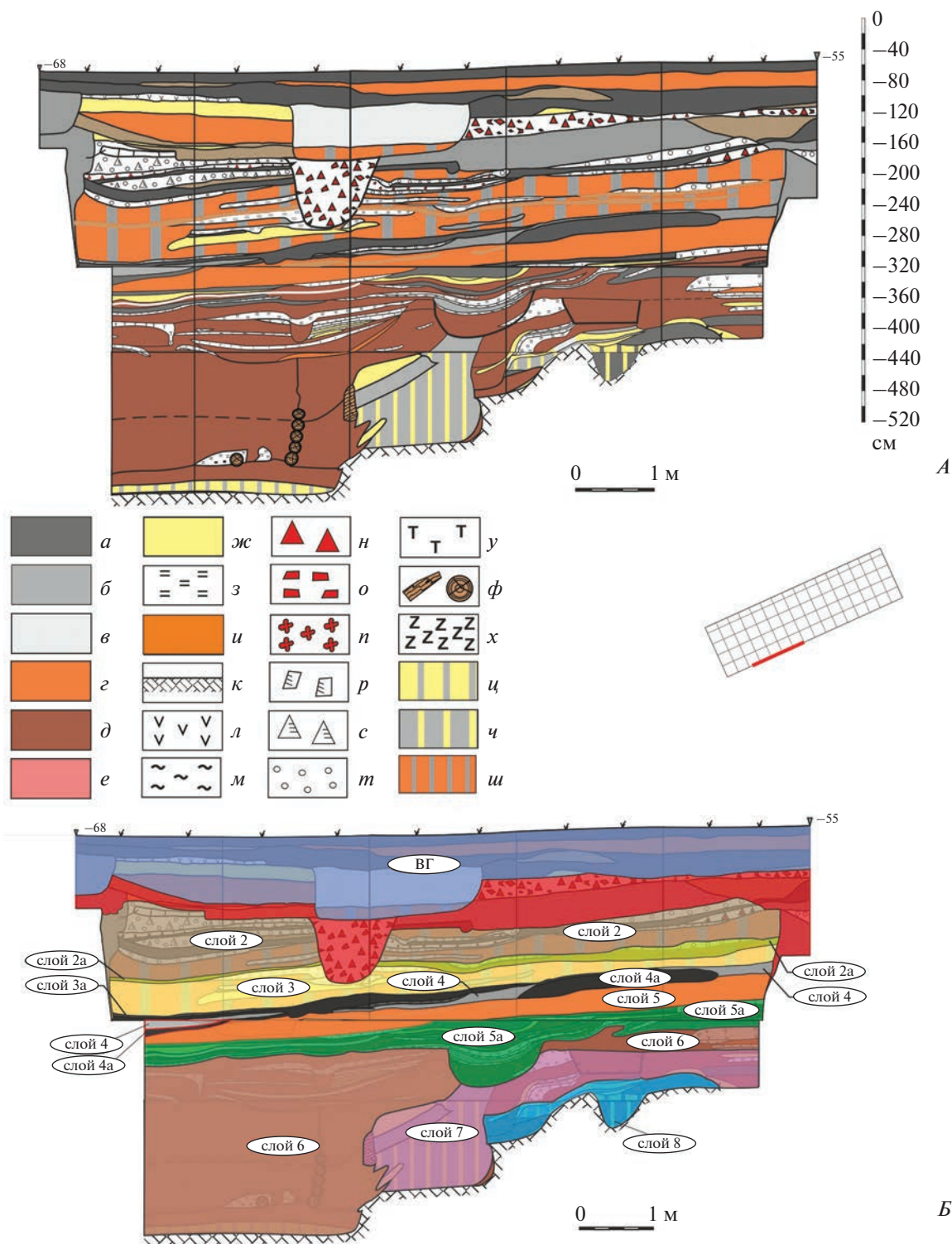

Рис. 2. Стратиграфия юго-восточного борта раскопа. *А* – чертеж профиля; *Б* – схема размещения слоев. Условные обозначения: *а* – темно-серая супесь; *б* – серая супесь; *в* – светло-серая супесь; *г* – коричневая супесь; *д* – темно-коричневая супесь; *е* – рыжий суглинок; *ж* – песок; *з* – сырая глина; *и* – обожженная глина (печина); *к* – материк; *л* – уголь; *м* – зола; *н* – кирпичная крошка; *о* – битый кирпич; *п* – мелкие куски печины; *р* – обломки известняка; *с* – белокаменная крошка; *т* – известь; *у* – древесный тлен; *ф* – дерево; *х* – щепа; *ц* – супеси серых оттенков с включениями песка; *ш* – серо-коричневая супесь.

Fig. 2. The stratigraphy of the southeastern wall of the excavation site

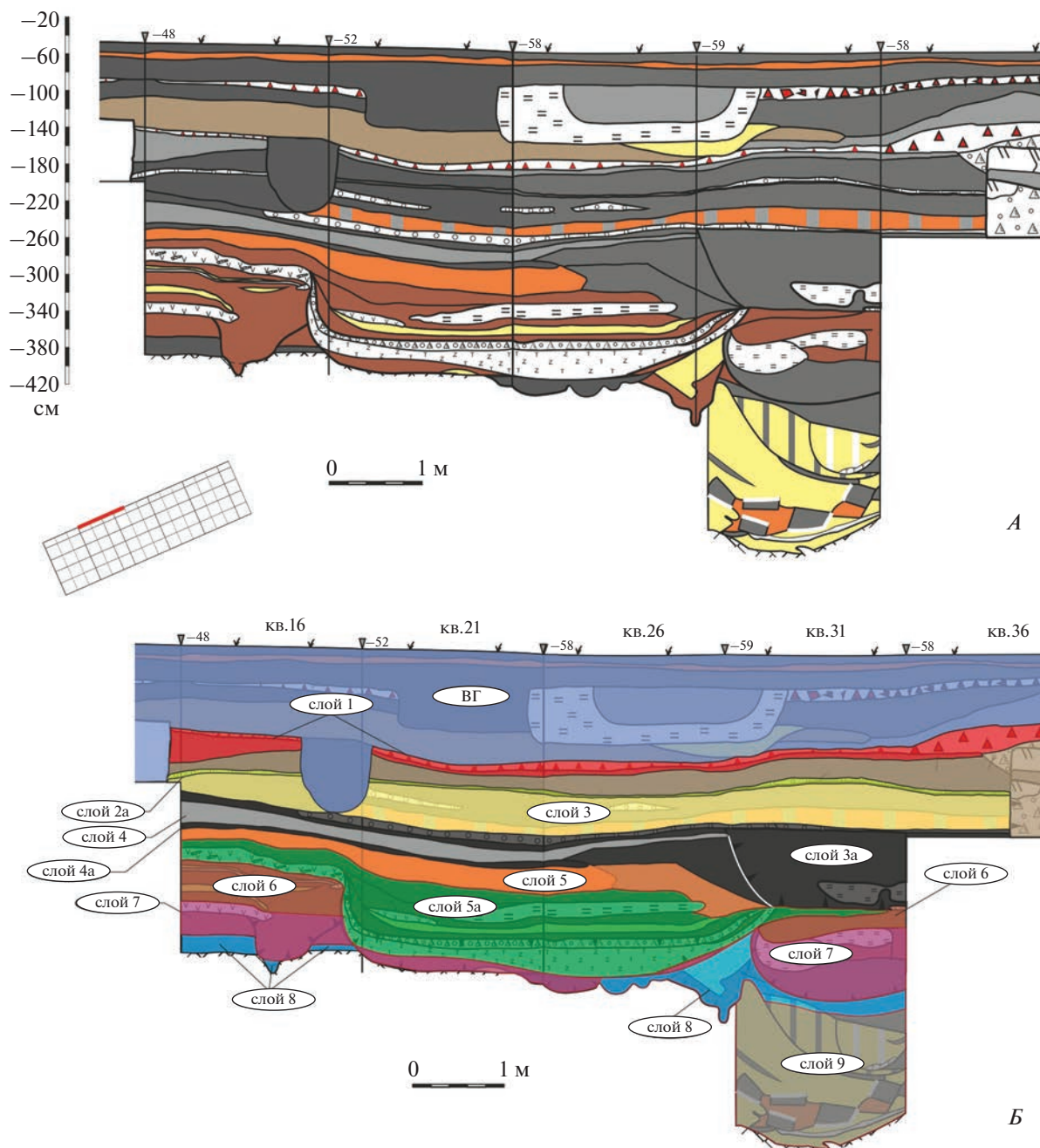

Рис. 3. Стратиграфия северо-западного борта раскопа. *А* — чертеж профиля; *Б* — схема размещения слоев. Условные обозначения см. на рис. 2.

Fig. 3. The stratigraphy of the northwestern wall of the excavation site

шинство срубных построек, открытых в раскопе, оказались сложены из дубовых бревен либо из хвойных пород молодого возраста (до 80 лет), что не позволило получить достоверные даты ни по одному из срубов. В Лаборатории естественных методов ИА РАН А.А. Карпухиным получены даты только для трех спилов со строительных деталей, оказавшихся в качестве мусора в заполнениях разрушенных погребов. В этих условиях особенную

важность для хронологизации культурных слоев приобрели нумизматические находки (317 экз.) (таблица)¹ и массовый керамический материал, статистическая фиксация которого демонстрировала существенные изменения в составе разно-

¹ Все монеты из раскопа определены чл.-корр. РАН, доктором исторических наук П.Г. Гайдуковым, которому выражаем глубокую благодарность за проделанную работу.

Распределение монетных находок по слоям, эмитентам и хронологии выпуска
Distribution of coin finds by layers, issuers and issue chronology

	Слой раскопа										
	ВГ	1	2	2а	3	3а	4	4а	5	5а	6
Всего монет	30	80	72	6	87	17	2	3	11	7	2
В том числе по периодам и эмитентам											
Конец XVIII–XIX в.	11 _м	2 _м	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XVIII в. (без уточнения)	1 _м	48 _м	3 _м	—	—	—	—	—	—	—	—
Екатерина II	2 _м	3 _м	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Елизавета Петровна	4 _м	9 _м	3 _м	—	—	—	—	—	—	—	—
Анна Иоанновна	5 _м	32 _м	17 _м	—	—	—	—	—	—	—	—
Петр I	2 _м	12 _м + 2 _с	10 _м + 3 _с	—	—	—	—	—	—	—	—
Иван и Федор Алексеевичи	—	1 _с	1 _с	—	—	—	—	—	—	—	—
XVII в. (без уточнения)	—	—	5 _м + 4 _с	—	2 _м + 7 _с	—	—	—	—	—	—
Алексей Михайлович	2 _м	1 _м + 4 _с	10 _м + 2 _с	2 _м	20 _м + 5 _с	1 _м	—	—	—	2 _м	—
Михаил Федорович	1 _с	2 _с	10 _с	3 _с	24 _с	—	—	—	—	—	—
Владислав Жигимонтович	—	—	—	—	2 _с	—	—	—	—	—	—
Борис Годунов	—	—	—	—	1 _с	—	—	—	—	—	—
XVI—первая половина XVII в.	—	—	—	—	1 _с	—	—	—	—	—	—
Иван IV	—	—	1 _с	—	2 _м + 14 _с	8 _м + 4 _с	2 _с	2 _с	3 _м + 3 _с	—	1 _с
Иван III или Василий III	—	—	—	—	—	2 _м	—	—	—	—	—
Конец XV — начало XVI в. (пула)	1 _м	—	—	1 _м	2 _м	2 _м	—	—	2 _м	3 _м	1 _м
Василий I	—	—	—	—	—	—	—	—	1 _с	1 _м	—
Не определенные	—	2 _м + 1 _с	3 _м	—	4 _м + 2 _с	—	—	1 _м	2 _м	2 _м	—
Иноземные	1 _м	1 _с	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание. ВГ — верхний горизонт; м (в нижнем регистре) — медь; с (в нижнем регистре) — серебро. Серым выделены ячейки с обозначением находок, явно связанных с перекопами и перемещением монет по вертикали.

видностей керамики, что давал весомые основания для хронологических построений.

На раскопе в Большом сквере мощность культурных отложений составляла от 3 до 6 м (в заглубленных в материк погребях — до 9 м). В ходе 3-летних работ выделено и изучено 14 слоев, из них 9 имели нумерацию от 1 до 9, а еще 4 — маркер “а” (2а, 3а, 4а, 5а), кроме того, один слой не имел номера, поскольку составлял современные отложения (он был назван “верхним горизонтом”). Эта нумерация отражена в отчетах о раскопках и в ходе работ не менялась. Наиболее хронологически узкими были слои с маркерами “а”, основная прослойка которых представляла собой либо строительный горизонт, либо горизонт пожара. Мощность слоев варьировала в широких пределах — от 0.1 до 2 м, в зависимости от того, как они формировались. Наибольшую толщину имели те слои, которые представляли собой засыпку погребов или иные нивелирующие насыпи.

К сожалению, ни в одном из профилей раскопа не нашли отражение все его стратиграфические слои, поэтому ниже представлены наиболее информативные участки профилей (рис. 1–3). Из-за многолетнего характера раскопок и необходимости укрепления бортов раскопа (забуривания свай и шпунтовой обшивки) невозможно было провести фотофиксацию каждого профиля целиком — от дневной поверхности до материка.

Ниже дана краткая характеристика каждого из 14 слоев раскопа в последовательности сверху вниз, т.е. в порядке их открытия, нумерации и изучения.

Верхний горизонт (рис. 1–3) представлял собой отложения XIX–XX вв.: привозной газонный грунт и принесенная со стороны земля светлых оттенков, насыщенная кирпичной крошкой и известью от разрушенных зданий. Значительную часть этого грунта составляло заполнение подквадратных в плане котлованов размерами до 3 × 3 м и глубиной до 1 м, которые вырывались

для посадки деревьев сквера и засыпались привозным грунтом. Мощность этого горизонта составляла от 0.4 до 1.2 м. В этом слое 1/3 составляли монеты XIX в., остальные были переотложены, более ранними (таблица).

Слой 1 (рис. 1–3) представлял собой строительный мусор, образовавшийся после 1769 г. при разрушении построек зданий Новых Приказов в связи с подготовкой площадки для планировавшегося строительства дворца по проекту В. И. Баженова, а также при последующих планировочных работах. Он состоял из битого кирпича, камней, кирпичной и белокаменной крошки, светло-коричневой и серой супеси. Мощность слоя — от 0.1 до 1.3 м. Совершенно очевидно, что на площадке раскопа сохранилась лишь очень небольшая часть остатков зданий Приказов: вероятно, этот мусор вывозился на другие участки Кремля для выравнивания поверхности. К верхней части этого слоя относились обильные находки разнообразных вещей, утилизированных в ходе расчистки Кремля после его оставления Великой армией Наполеона (Кузина и др., 2020; Макаров и др., 2020. С. 99, 105, 106). Среди найденных монет тут преобладали отчеканенные на протяжении XVIII в. (таблица), что не противоречит датировке слоя 1 в интервале 1769–1812 гг.

Слой 2 (рис. 1–3) сформировался в ходе функционирования комплекса административных зданий Новых Приказов (1680–1769 гг.). Эта дата подтверждается нумизматическим материалом, в котором преобладали выпуски Анны Иоанновны, Петра I, Алексея Михайловича и Михаила Федоровича, а самыми поздними были три монеты, отчеканенные при Елизавете Петровне (таблица). Этот слой состоял из супеси серых и коричневатых оттенков с включениями белокаменной крошки, извести, битого кирпича и рыжей глины. Он имел мощность от 0.1 до 1 м, залегал по всей площади раскопа, а также составлял заполнение белокаменной камеры, встроенной в фундамент Новых Приказов, сформировавшееся в начале XVIII в. (Гакель и др., 2021). Количество находок в этом слое было невелико, однако среди них имелись серии печных изразцов последней четверти XVII и XVIII в. (безрамочных зеленых и полихромных), происходивших из декора приказных печей (Макаров и др., 2020. Табл. 1), предметы приказного быта (обломки поливных керамических чернильниц, развалы чернолощенных кувшинов). Отличительной чертой слоя 2 было изобилие железных сапожных подковок (около 90 шт.), среди которых доминировали изделия “комбинированного” типа, крепившиеся шипами и гвоздями (Осипов и др., 2022. Табл. 1). По соотношению кухонной и столовой посуды этот слой выделяется очень заметно — обломков горшков в нем в 2–3 раза меньше, чем всех остальных форм посуды. Такая диспропорция объясня-

ется тем, что в Приказах не готовили пищу — ее сюда приносили готовой.

Слой 2а (рис. 1–3) представлял собой горизонт разборки Старых и строительства Новых Приказов в 1675–1680 гг. Он состоял из прослоек извести с белокаменной крошкой и супесей серо-коричневых оттенков, насыщенной битым кирпичом. На основной площади раскопа этот слой имел толщину 5–12 см, но там, где сохранились остатки разрушенных стен Старых Приказов, его мощность возрастала до 80 см. Слой непосредственно примыкал к фундаментам Новых Приказов, отмечая тем самым дневную поверхность времени их строительства (рис. 1, Б).

Слой 3 (рис. 1–3) состоял в основном из серо-коричневой и коричневой супеси с обломками кирпичей, комками рыжей глины, древесным тленом, углем, желтым песком, в нем также выделялись линзы белокаменной и кирпичной крошки. Мощность слоя достигала 60 см. Слой изобилует вещевыми находками, но включал небольшое количество керамики, которая была измельчена (растоптана). В вещевом комплексе, как и в слое 2, преобладали железные сапожные подковки, но уже иного типа — врезные плоские (Осипов и др., 2022. С. 265). Массовыми были также находки красных рамочных изразцов, украшавших печи в здании Старых Приказов (Смирнов и др., 2020). К более ранним постройкам эпохи Ивана Грозного следует относить белоглиняные поливные изразцы, единичные находки которых указывают на перенос европейской традиции в Москву (Беляев и др., 2020). Следует указать на то, что слой 3 включал максимальное число монет (87 шт. или половину всех монет ручного чекана XV–XVII вв., найденных за время раскопок), причем самыми массовыми были выпуски царей Михаила Федоровича (24 шт., исключительно серебро) и Алексея Михайловича (25 шт.) (таблица). Все перечисленные признаки не оставляют сомнений в том, что слой 3 отложился в период функционирования Старых Приказов, т.е. он формировался с конца XVI в. до 1675 г.

Слой 3а (рис. 1–3) включал фиксировавшуюся на всей площади раскопа прослойку белокаменных отесков и извести мощностью от 2 до 10 см, а также локальные прослойки темно-серой супеси с включениями рыжей глины, песка, древесного тлена и угля мощностью до 12 см. Его можно с полной уверенностью связывать со строительством комплекса зданий Старых Приказов, начатым в 1591 г. (Полное собрание..., 1978. С. 196). В этом слое продолжали массово фиксироваться врезные железные сапожные подковки, а среди монет преобладали чеканенные в царствование Ивана IV при том, что остальные монеты относились к более ранним периодам XV–XVI вв. Единственная монета Алексея Михайловича явно по-

пала в этот слой по микроперекопу (таблица). Керамический комплекс слоя включал заметное количество керамики XIV–XV вв. и более раннего времени, которая в лежащих выше слоях практически отсутствовала, что может свидетельствовать о больших земляных строительных работах, переместивших наверх материал из более древних слоев.

Слой 4 (рис. 1–3) включал прослойки серой, светло-серой и коричневой супеси с линзами желтого песка, тлена, угля, темно-серой супеси, изредка с небольшими обломками кирпичей XVI в. (высотой 4–7,5 см, шириной 11–14). На большей части раскопа толщина отложений слоя 4 была невелика и составляла от 5 до 25 см. Здесь по-прежнему среди находок – врезные сапожные подковки; найдены также две монеты чеканки Ивана IV (таблица), а среди посуды доминировала (около половины керамического сбора) гжельская белоглиняная, достигшая такого широкого распространения в Москве только в последней четверти XVI в. (Коваль, 2001). Именно этим временем (но до 1591 г.) и следует датировать слой 4. Этот слой своим происхождением надо связывать с функционированием тех еще деревянных “изб дичьих”, которые ставились тут, “у Архангела на площади” (Полное собрание..., 1978. С. 196), в промежутке между строительством Посольского приказа в 1565 г. и началом возведения комплекса кирпичных Старых Приказов в 1591 г.

Слой 4а (рис. 1–3) объединял прослойки темно-серой и серой супеси с включениями рыжей глины, угля, древесного тлена, золы, кирпичной крошки общей мощностью до 20 см. По находкам (сапожные подковки, монеты Ивана IV) и керамическому набору этот слой мало отличался от слоя 4, так что их разделение, предпринятое в ходе полевых работ, можно считать излишним, а чуть более ранняя датировка слоя 4а вряд ли выходила за пределы третьей четверти XVI в.

Слой 5 (рис. 1–3) был представлен прослойкой коричневой супеси с включением крупных обломков кирпичей, линз супеси серых тонов, рыжей глины (сырой и обожженной), угля, остатков истлевшего дерева, толщина прослойки колебалась от 10 до 50 см. Главным отличием слоя 5 от лежащих выше было наличие выходившего из него заглубленного погребка очень крупных размеров² (Модин и др., 2023). Значительная часть объема этого погребка оказалась засыпана отесками белого камня – отходами строительства крупного здания. В XVI в. таким зданием могла быть лишь палата Посольского приказа, построенная в

1565 г. (Полное собрание..., 1906. С. 397, 398) и располагавшаяся совсем рядом, в 30 м к западу от раскопа, между Архангельским собором и колокольней Ивана Великого. Ко времени строительства комплекса Старых Приказов в 1591 г. погреб был уже полностью засыпан и участок выровнен. Отсюда следует, что огромный погреб был построен существенно ранее 1565 г. и вполне мог быть связан с деревянным двором Ивана III, существовавшим с 1492 г. “за Архаггелом на Ярославичском месте”³ (Полное собрание..., 1859. С. 225) на время строительства каменно-кирпичного дворца на старом великокняжеском дворе у храма Благовещения, завершившемся в 1508 г., когда “...вшел князь великий... в новой двор кирпичной жити...” (Полное собрание..., 1859. С. 249). Но в любом случае бывшая территория “временного двора” после 1508 г. осталась в великокняжеском владении и уже тогда могла начать использоваться для размещения административных зданий.

Слой 5 стал последним стратиграфическим лоскутом, в котором зафиксированы массовые находки железных сапожных подковок – 52 экз. (Осипов и др., 2022. Табл. 1). Полное отсутствие подковок в более ранних слоях раскопа (ниже слоя 5 найдено только 3 экз. таких вещей, явно связанных с микроперекопами) однозначно указывает на время распространения моды на сапоги с высоким каблуком, подбитым такими подковками (Осипов и др., 2022. С. 267, 268). Датировка слоя 5, кроме самого его стратиграфического положения, опирается еще на 11 находок монет, половина из которых чеканена в период правления Ивана IV, а остальные – в XV–начале XVI в. В керамическом комплексе тут по-прежнему половину составляла гжельская белоглиняная керамика, представленная исключительно обломками кувшинов. Исходя из всех этих данных, датировка слоя определена в интервале второй–третьей четверти XVI в. Таким образом, слои 4, 4а и 5 в целом оказались очень близки по времени формирования.

Слой 5а (рис. 1–3) включал остатки двух разных пожаров, из которых лучше сохранился более ранний (нижний). Мощность этого слоя колебалась в разных частях раскопа от 25 до 115 см. Оба “пожарных” горизонта состояли из угля (включая бревна от сгоревших прослоек), причем

² Сооружение 59 (раскопки 2021 г.). К сожалению, при диаметре сосновых бревен 25–30 см все они оказались, как уже упомянуто выше, принадлежавшими молодым деревьям (до 80 лет), что не позволило получить надежные дендродаты.

³ Летопись говорит здесь о дворе князя Василия Ярославича, внука Владимира Андреевича Храброго, который располагался, согласно духовной грамоте Василия II 1461 г. (Духовные..., 1950. С. 199. № 61) «за архангелом Михайлом», т.е. за Архангельским собором. В великокняжескую казну этот двор перешел после «поймания» Василия Ярославича в 1456 г. По упомянутой духовной грамоте Василия II двор был отдан князю Юрию Дмитровскому, но после смерти последнего в 1472 г. окончательно поступил в великокняжеское владение.

каждый из них был связан с основаниями разрушенных глинобитных (сложенных из сырцовых кирпичей) печек, размещавшихся, очевидно, в сгоревших домах и залежавших строго одна над другой в центре раскопа⁴. Между двумя горизонтами пожаров залежали прослойки коричневой опесчаненной супеси, темно-коричневой супеси с углем, песком и глиной, серой супеси с белокаменной крошкой, желтого песка и белокаменной крошки общей мощностью не более 20 см. К нижнему пожарному горизонту относились остатки бревенчатого сооружения⁵ (одного наземного дома или нескольких разных построек усадьбы?), большая часть которого была уничтожена фундаментом Новых Приказов. Из этого сооружения взяты образцы угля, радиоуглеродный анализ которых дал в одном случае дату 1394–1424 гг. (IGAN-8065), а в другом — 1424–1455 гг. (IGAN-8066)⁶. Сооружение могло сгореть в одном из московских пожаров, происходивших во второй половине XV в. (в 1453, 1458, 1469, 1480, 1485, 1493 гг.). Скорее всего, речь может идти о двух произошедших один за другим пожарах (1480 и 1485 или 1485 и 1493 г.). По-видимому, уже первым из двух пожаров вместе со всеми постройками рассматриваемой усадьбы был уничтожен и крупный погреб (сооружение 57), засыпанный землей, перемешанной с углями и битым кирпичом. Вторым пожаром была уничтожена жилая постройка с глинобитной печью, сменившая предыдущую, после чего на этом месте перестали ставить жилые дома и вырывать новые погреба (рассматривавшийся выше погреб огромных размеров явно предназначался не для хозяйственно-бытовых целей). Это особенно ярко видно на контрасте с теми многочисленными перестройками погребов, которые проводились тут в более раннее время (см. ниже). Таким образом, пожары, уничтожившие жилые и хозяйственные постройки на этой усадьбе, могли произойти либо незадолго до 1492 г., либо сразу после этой даты, когда судьба данного дворовладения окончательно изменилась.

Атрибуция сгоревшей усадьбы, остатки которой составляли слой 5а, опирается на комплекс вещевых находок и керамики, который по своему объему был на порядок больше материалов из лежащих выше слоев. О принадлежности усадьбы

представителю аристократических кругов свидетельствует как изобилие материальных остатков, так и присутствие среди них вещей, связанных с занятиями и повседневным обиходом знати. Речь идет о двух писалах — железном и бронзовом (рис. 4, 1, 2), обгоревшей в пожаре цилиндрической гирьке “восточного” типа, датирующейся XIV–XV вв. (Коваль, 2022. С. 57–59) (рис. 4, 3), части книжной заставки–“кинжальчика” (рис. 4, 4) и развале поливной светлоглиняной елейницы с уникальным штампованным декором (рис. 4, 5), включавшем бородатые личины и изображения зверя, близким орнаментации тверской поливной посуды XIV–XV вв. (Романова, 2009). К этому же ряду статусных предметов надо относить изделия из рога — обломок игровой фишки (рис. 4, 6) и шахматную фигуру (рис. 4, 7).

Таким образом, археологический материал вполне соответствует данным летописного сообщения о размещении “за” Архангельским собором (т.е. к востоку от него) двора Владимира Андреевича Храброго и его наследников. Слой 5а отражает финал жизни на этой усадьбе, завершившийся пожаром. Очевидно, что непосредственно на изученном раскопе участке после пожара не возникло жилых строений “временного двора” Ивана III, однако эта территория, несомненно, входила в границы новообразованного обширного землевладения.

Нумизматический материал, к сожалению, не позволил уточнить датировку слоя: всего тут было найдено семь монет, среди которых преобладали медные пула конца XV — начала XVI в., имелась одна монета Василия Дмитриевича, но обнаружилась и монета царя Алексея Михайловича, явно попавшая в слой по какому-то микроперекопу (небольшой столбовой яме?).

Для датировки слоя 5а важны не только приведенные выше радиоуглеродные даты и анализ данных о московских пожарах, но и массовый керамический материал (более 6 тыс. экз.), в котором абсолютно преобладала московская красноглиняная керамика конца XV — первой половины XVI в. (УТК-11)⁷ при наличии незначительной доли гжельской белоглиняной посуды и полном отсутствии чернолощенной керамики, производство которой началось в Москве не ранее 1515 г., а скорее в 1520-х годах (Коваль, 2019. С. 397, 398)⁸. В керамическом комплексе нижнего пожарного горизонта (4180 обломков керамики) доминировала красноглиняная московская посуда (61%)

⁴ От печи раннего дома остались три скопления глины (сооружения 54, 55, 56 по полевой нумерации), от более поздней — одно обширное пятно глины (сооружение 52). Все они подробно описаны в специальной публикации (Молдин и др., 2023).

⁵ Сооружение 32 (раскопки 2019 г.)

⁶ Датировки калиброванные, по двум сигмам. Исследование образцов проведено в Центре коллективного пользования “Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии” Института географии РАН и Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США).

⁷ УТК — “условный тип керамики”. Терминология и нумерация типов керамики здесь и далее даны по опубликованной типологии (Коваль, 2016).

⁸ В горизонте «верхнего пожара» найдены пять мелких обломков чернолощенных сосудов, однако появление их в этом открытом комплексе надо связывать со случайными причинами (микроперекопы и т.п.).

Рис. 4. Находки из слоя 5а. 1, 2 – писала; 3 – гирька “восточного” типа; 4 – обломок книжной застежки; 5 – глазурованная чаша; 6 – обломок фишки; 7 – шахматная фигура. 1 – железо; 2–4 – медный сплав; 5 – керамика; 6, 7 – рог.

Fig. 4. Finds from layer 5a

при минимальном присутствии (6.6%) ранней гжельской белоглиняной керамики, среди которой 1/3 составляли обломки кувшинов из формовочной массы с песком (УТК-13), а 2/3 – кувшинов из формовочной массы с примесью дресвы (УТК-4). Белоглиняным горшкам тут принадлежало всего 14 венчиков, причем среди них только один относился к классам 4 (вертикальные с заво-

ротом “чернового края наружу”) – форме, ставшей массовой (наряду с родственными классами 39 и 44) во второй половине XVI в., вероятно, в связи с перемещением в Гжельскую волость гончаров из поокского города Любутска, захваченного в ходе русско-литовской войны 1500–1503 гг. (Болдин, 2017. С. 174–176). Этот комплекс можно с уверенностью датировать самым концом XV в.,

а весь слой 5а мог отложиться в конце XV — первой четверти XVI в.

Слой 6 (рис. 1–3) состоял в основном из прослоек супеси коричневых оттенков с включением мелких фракций рыжей глины, угля, местами с включением пачины, тлена, щепы, золы и песка. Важной отличительной особенностью слоя 6 было исчезновение в нем включений отесков белого камня и кусочков извести, т.е. следов каменного строительства. Обломок кирпича тут найден только один. Мощность слоя вне котлованов углубленных объектов составляла 35–65 см. Нижняя граница слоя определялась нечетко, так как более ранний слой 7 сложен аналогичным по цвету грунтом. Из слоя 6 выходили несколько округлых в плане хозяйственных ям и два деревянных сооружения, из которых наиболее важны остатки погребов (сооружение 58), срубное крепление стенок которого было сложено из дуба (Модин и др., 2023). Из засыпи этого погреба происходила значительная часть вещевых и керамических находок слоя 6, а также две деревянные детали, для которых получены дендродаты: 1329 г. (для лестницы-однодеревки) и 1371 г. (для обрубка бревна)⁹. Очевидное расхождение этих дат с хронологией слоя 6 можно объяснить тем, что при засыпке погреба в него были выброшены обломки старых (служивших уже 100–150 лет) деревянных конструкций, ставших негодными для использо-

Слой 6 был последним на раскопе, где зафиксированы монеты (2 шт.) — медное пуло конца XV — начала XVI в. и серебряная денга середины XVI в., которые были явно переотложенными и не могут служить основаниями для датировки данного открытого комплекса. Большие серии составляли также переотложенные, но из более ранних слоев, оплавленные в пожаре обломки золотоордынских кашинных чаш второй половины XIV в., византийских амфор (также со следами пребывания в пожаре) и стеклянных браслетов. Керамический материал тут был весьма обилен (более 4000 обломков), а в его составе 1/4 составляла переотложенная из более ранних слоев керамика, изготовленная из формовочных масс с обильной примесью дресвы. До 9% сбора составляли обломки горшков УТК-36 (так называемая красноглиняная гладкая ранняя посуда), характеризовавшихся минимальной примесью дресвы в тесте. Однако основной массив керамики (60%) составляли обломки красноглиняных “гладких” горшков УТК-11 (из масс с примесью только мелкого песка), причем морфологические разновидности второй половины XV в. (с вертикальными венчиками, в том числе “утопленными” вглубь

сосуда, — типов 2 и 3) заметно уступали отогнутым наружу венчикам (типов 5 и 6), т.е. разновидностям конца XIV — середины XV в. Все это позволяет датировать период формирования слоя 6 в интервале начала—третьей четверти XV в.

Слой 7 (рис. 2, 3) объединял прослойки коричневой супеси разных оттенков и с разными включениями (рыжая глина, уголь, зола, тлен, щепка, песок), среди которых какие-либо следы каменного или кирпичного строительства отсутствовали полностью. Мощность слоя возрастала с юго-запада на северо-восток — от 20 до 140 см, что связано с общим уклоном древней поверхности в направлении размещения крупной ложбины (оврага), рассекавшей Кремлевский холм, по трассе которой впоследствии прокладывались различные дренажные системы, а в XVII в. в здании Новых Приказов были выстроены для спуска воды ворота под церковь Трех Исповедников, которые даже тогда размещались в заметном понижении рельефа (Вдовиченко, 2022. С. 421. Рис. 3).

К слою 7 относились несколько врезанных в материк ям и срубный крепеж двух погребов (Модин и др., 2023). Насыщенность слоя 7 разнообразными находками была максимальной: здесь обнаружены обломки стеклянных сосудов (включая осколок ближневосточного бокала с росписью золотом и цветными эмалями — рис. 5, 1), 40 обломков золотоордынских кашинных чаш (рис. 5, 2–4), 2 фрагмента поливных византийских чаш и 7 — крымских кувшинов, 2 обломка китайских фарфоровых сосудов и 15 — византийских амфор, 27 — стеклянных браслетов, 13 — стеклянных перстней. Наряду с импортными изделиями здесь найдены обгоревший в пожаре медный крест-энколпион (рис. 5, 5), две плитки пола (рис. 5, 6), хотя основную массу находок составляли, конечно, ординарные бытовые вещи (ножи, шилья, пробой, обломки различных инструментов и т.п.). Заметим, что оба самых ранних на площади раскопа погреба содержали в своем заполнении золотоордынскую керамику, т.е. были засыпаны не ранее второй половины XIV в.

В керамическом материале удалось выделить комплекс верхнего горизонта слоя 7, где очень высокую долю (до 20%) составляла “красноглиняная гладкая ранняя” посуда (УТК-36), появившаяся в Москве не ранее последней четверти XIV в. В остальной части слоя такая керамика уже не зафиксирована, а 94% составляли обломки горшков, изготовленных из масс с примесью мелкой дресвы (УТК-3а).

Обилие восточных импортов позволяет надежно датировать слой 7 серединой—второй половиной XIV в., однако нельзя исключать того, что его нижний горизонт начал отлагаться уже во второй половине XIII в.

⁹ Еще одна столь же ранняя дата (1334 г.) получена для крупной доски из засыпки постройки 57, связанной со слоем 5а (см. выше).

Рис. 5. Находки из слоя 7. 1 — стенка бокала; 2–4 — обломки золотоордынских кашинных сосудов; 5 — крест-энколпион; 6 — плитка пола. 1 — стекло; 2–4, 6 — керамика; 5 — медный сплав.

Fig. 5. Finds from layer 7

Слой 8 (рис. 2, 3) состоял в основном из темно-серой и темно-коричневой супесей, местами с включением угля и сырой рыжей глины, а также линз серой и светло-серой супесей, желтого песка, тлена, угля. На большей части площади раскопа этот слой не сохранился, будучи уничтожен перекопами, в других местах он оказался переотложен и фактически не вычленялся из лежавших выше слоев 6 и 7. В основном слой залегал на поверхности материка, но в западной части раскопа он незаметно переходил в более ранний слой 9, так что их отличия фиксировались исключительно

по объему разновременного материала, присутствовавшего в одинаковом по цвету и плотности грунте. Общая мощность слоя 8 в местах его наилучшей сохранности не превышала 30 см. Из слоя выходили (были впущены в материк) 15 небольших по размерам ям и 2 частокола (рис. 6), содержавших незначительное количество керамики и единичные обломки византийских амфор.

В слое 8 зафиксировано всего 34 индивидуальные находки, треть из которых составляли обломки византийских амфор, стеклянные браслеты представлены 7-ю обломками. По перекопам в

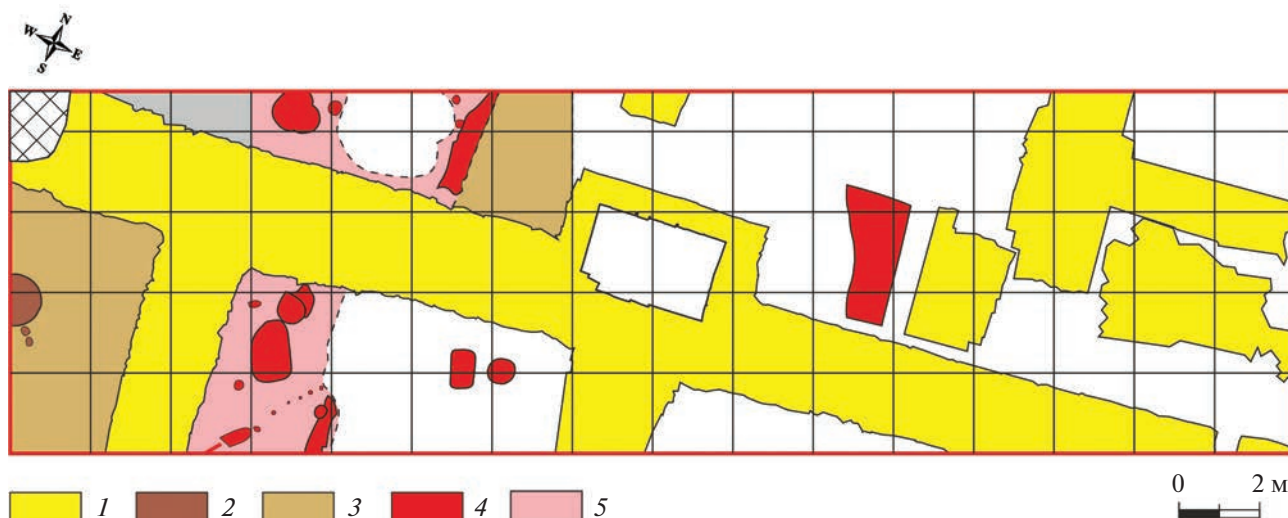

Рис. 6. Схема размещения слоев домонгольского времени (слой 8) и раннего железного века (слой 9). Условные обозначения: *a* — архитектурные остатки зданий Новых и Старых Приказов; *b* — ямы раннего железного века; *в* — участки с сохранившимся слоем раннего железного века; *г* — ямы домонгольского времени; *д* — участки с сохранившимся слоем домонгольского времени.

Fig. 6. The layout of the pre-Mongolian layer (layer 8) and the early Iron Age layer (layer 9)

слой попали два грузика дьякова типа. Керамический комплекс был невелик (217 обломков) и включал большую долю переотложенного материала — 12.5% в нем составляла лепная керамика раннего железного века. Круговая керамика состояла исключительно из обломков горшков, изготовленных из ожелезненной глины с примесями мелкой или крупной дресвы, с венчиками форм домонгольского времени (рис. 7). Таким образом, слой 8 можно уверенно относить к домонгольской эпохе (второй половине XII — первой трети XIII в.), однако мощность этого слоя была невелика, а степень сохранности довольно низка. Резкое сокращение количества и качества находок в слое 8 свидетельствует о том, что в домонгольское время исследованный участок еще не находился во владении аристократии, а был в зоне застройки рядового городского населения.

Слой 9 (рис. 1, 3) фиксировался лишь на двух небольших по площади участках раскопа (рис. 6), причем основная его масса залегала в ложбине, рассекавшей москворецкий склон. Кроме того, он составлял заполнение просадки над котлованом неясного происхождения (овраг? выворотень корневой системы упавшего дерева?), который удалось вскрыть лишь фрагментарно. Слой 9 состоял из темно-серой, местами коричневатой, супеси, переходившей у материка в более светлую, серую, смешанную с желтым материковым песком. На остальной площади раскопа этот слой был срезан или полностью переотложен в древнерусское время.

В слое обнаружены роговая проколка, семь колоколовидных керамических бусин и три грузика дьякова типа (к которым надо добавить две аналогичные находки из слоя 8). Это типичные вещи дьяковской археологической культуры раннего железного века. Керамический комплекс состоял из обломков лепных горшков (более 1000 экз.), к которым следует добавить аналогичный материал из вышележащих средневековых слоев, так что общее количество лепной керамики с небольшой площади раскопа достигало 1266 экз. Анализ этого материала показал присутствие в нем как раннедьяковских (V–II вв. до н.э.), так и позднедьяковских (II–V вв. н.э.) образцов (Лопатина, Коваль, 2022). Таким образом, можно говорить о существовании в центральной части Кремля участка с остатками культурного слоя, формировавшегося на протяжении длительного времени (с середины I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э.), связанного с поселением (вероятно, городищем), локализация которого на месте Соборной площади предложена в свое время Н.А. Кренке (2010).

Таким образом, раскопки в Большом сквере впервые дали возможность исследовать и документировать строение всей толщи культурных отложений в центре Кремлевского холма, представить общую картину и динамику формирования культурного слоя от железного века до новейшего времени и выявить специфику стратиграфических контекстов различных периодов. Надежными хронологическими реперами в этой стратиграфической шкале служат строительные прослойки, оставшиеся после возведения разнообразных зданий и

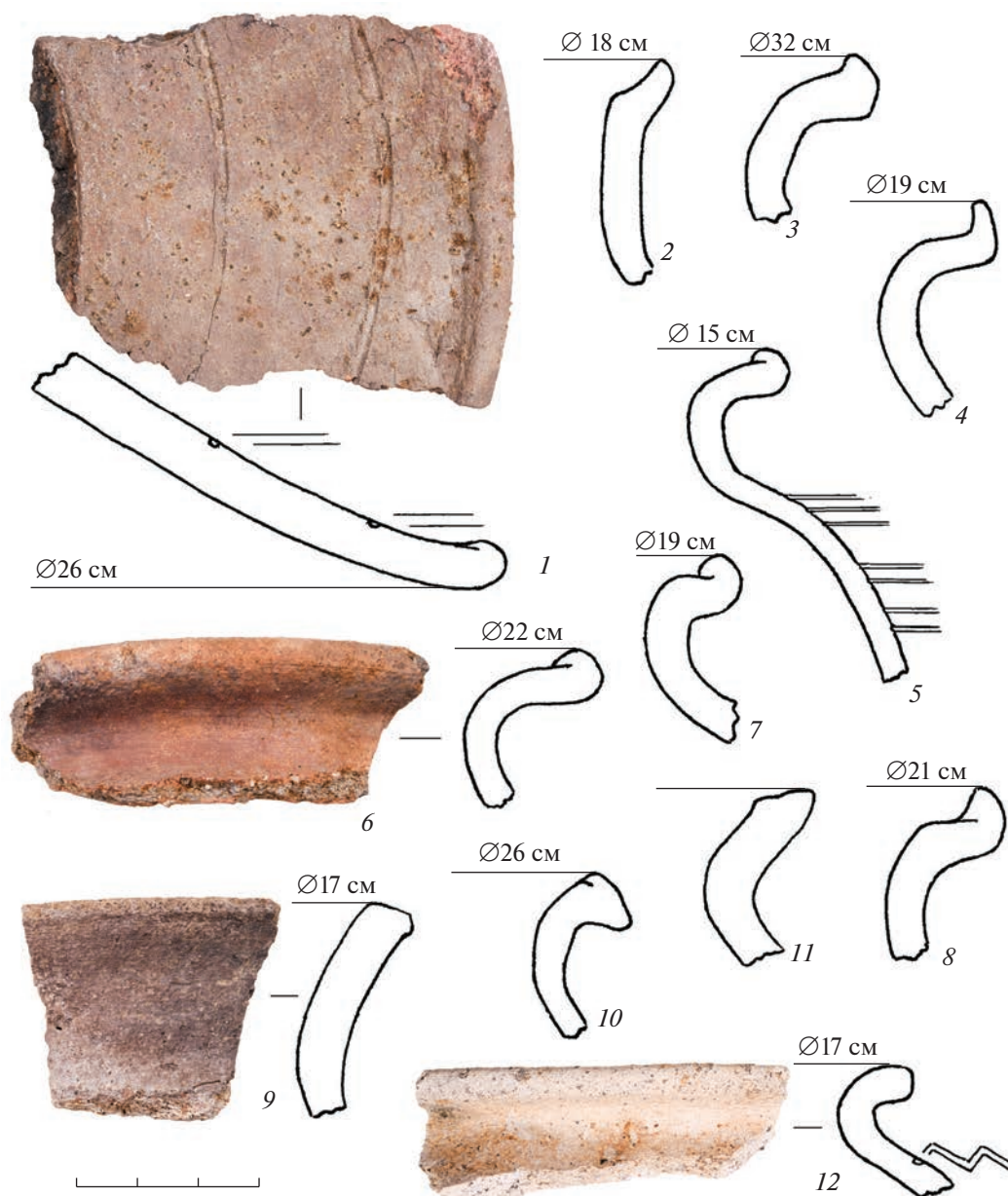

Рис. 7. Керамика (1–12) слоя 8 (домонгольского времени).

Fig. 7. Ceramics (1–12) of layer 8 (pre-Mongolian)

сооружений, дата создания которых известна по летописным данным.

Важный стратиграфический признак — наличие в культурных слоях дисперсного строительного материала (кусочков извести, обломков кирпича), позволяющих в ряде случаев выделять слои, сформировавшиеся после начавшегося в Кремле с середины XIV в. широкого каменно-кирпичного строительства.

Постоянные масштабные земляные работы в Кремле (подрезки и подсыпки грунта) и различ-

ный характер использования и застройки отдельных участков формировали индивидуальные особенности стратиграфии в разных локусах. Тем не менее можно полагать, что стратиграфическая картина, выявленная в Большом сквере, отражает общее строение культурных отложений значительной части Кремлевского холма и специфику Кремля как археологического памятника.

Исследование выполнено в рамках НИР Института археологии РАН “Московский Кремль по материалам новейших археологических исследо-

ваний: культурный слой, архитектурные сооружения, артефакты” (№ НИОКТР 122011100062-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Смирнов А.Н. Изразцы конца XVI — первой половины XVII в. по материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле // Российская археология. 2020. № 3. С. 114–124.
- Болдин И.В. Московская белоглиняная керамика. Штрихи к портрету // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ИА РАН: Тверской науч.-исслед. ист.-археол. и реставрац. центр, 2017. С. 170–176.
- Бдовиченко М.В. Источники о сложении архитектурного облика набережных Приказов XVII в. // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 267. С. 419–436.
- Гакель Е.В., Дзвонковский С.Л., Коваль В.Ю. Керамический комплекс последней четверти XVII — начала XVIII веков из раскопок здания Новых приказов в Московском Кремле // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 265. С. 222–229.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
- Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. 2001. № 1. С. 98–109.
- Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2016 (Методика полевых археологических исследований; вып. 9). 126 с.
- Коваль В.Ю. Московская чернолощенная посуда // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 383–400.
- Коваль В.Ю. Торговый инвентарь с территории базара // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.). М.: Нестор-История, 2022 (Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса; т. IV). С. 50–65.
- Кренке Н.А. Артефакты бронзового и раннего железного веков на территории Боровицкого холма и его окрестностей // Памятники материальной культуры IV тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э.: каталог собрания Гос. ист.-культур. музея-заповедника “Московский Кремль”. М.: Голден-Би, 2010. С. 47–55.
- Кузина И.Н., Курмановский В.С., Соловьев Д.С., Елкина И.И. События 1812 года в Московском Кремле по археологическим данным // Триумф Победы в зеркале искусства: сб. науч. ст. XXVI Царскосельской конф. СПб.: Русская коллекция, 2020. С. 362–375.
- Лопатина О.А., Коваль В.Ю. Новые данные о Боровицком холме Москвы в железном веке (по керамическим материалам) // Российская археология. 2022. № 3. С. 152–167.
- Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Яганов А.В., Модин Р.Н., Панченко К.И. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // Российская археология. 2020. № 3. С. 96–113.
- Модин Р.Н., Коваль В.Ю., Макаров Н.А. Объекты усадебной планировки XIV — первой половины XVI вв. на раскопе I в Большом Кремлевском сквере (по материалам работ ИА РАН в 2019–2021 гг.) // Российская археология. 2023. (В печати).
- Осинов Д.О., Коваль В.Ю., Смирнов А.Н. Обувные подковки из раскопок в Московском Кремле // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 256–272.
- Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13, 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. 303–532 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.
- Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 167). С. 9–116.
- Романова Е.А. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2009. С. 310–339.
- Смирнов А.Н., Коваль В.Ю., Глазунова О.Н., Панченко К.И. Красные печные изразцы из раскопок в Большом сквере Московского Кремля // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 261. С. 269–281.

STRATIGRAPHY OF THE CULTURAL LAYER OF THE MOSCOW KREMLIN: NEW DATA FROM THE 2019–2021 EXCAVATIONS

Vladimir Yu. Koval^{a,#}, Roman N. Modin^{a,##}, Nikolay A. Makarov^{a,###}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: kovaloka@mail.ru

^{##}E-mail: modin.roman@mail.ru

^{###}E-mail: nmakarov10@yandex.ru

In 2019–2021, the Institute of Archaeology RAS conducted excavations in the Great Garden of the Moscow Kremlin, east of the Archangel Cathedral, where the buildings of *Prikazes* (central administrative bodies of the Russian state) were located in the 16th–17th centuries AD. In the deposits, whose total thickness reached 6 m, it was possible to identify several layers, a part of which contained debris from the construction of the buildings of the Old (1591) and New (1675–1682) *Prikazes*. The foundations of the administrative buildings cut through earlier deposits of the second half of the 12th–16th century AD, among which a fire layer of the late 15th century stands out. It contains the remains of powerful fires, which destroyed the wooden structures of the estate that probably belonged to the descendants of Prince Vladimir Andreyevich the Bold. Another notable layer is that of the 14th century saturated with various imported artefacts; it is possible to relate it to a part of the area that was occupied by the court of Vladimir Andreyevich himself.

Keywords: archaeology, medieval town, stratigraphy, cultural layer, chronology.

REFERENCES

- Belyaev L.A., Glazunova O.N., Smirnov A.N., 2020. Tiles of the late 16th – first half of the 17th century based on materials from 2019 excavations in the Moscow Kremlin. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 114–124. (In Russ.)
- Boldin I.V., 2017. Moscow white-clay ceramics. Details for the picture. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver Land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 10. Tver': Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk: Tverskoy nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskii i restavratsionnyy tsentr, pp. 170–176. (In Russ.)
- Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries AD]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 585 p. *Gakel' E.V., Dzvonkovskiy S.L., Koval' V.Yu.*, 2021. The ceramic assemblage dating to the last quarter of the 17th – early 18th century from the excavations of the New Prikazy building in the Moscow Kremlin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 265, pp. 222–229. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2001. White-clay ceramics in medieval Moscow. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 98–109. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2016. Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya i rannego zheleznoogo veka lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Primary recording of frequent ceramic finds on the sites of the Middle Ages and the Early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 126 p. (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy, 9).
- Koval V.Yu., 2019. Moscow black burnished ware. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 15. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 383–400. (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2022. Trade equipment from the bazaar area. *Tsentral'nyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarnye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) [The central bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on excavations in 2011–2019)]*. Moscow: Nestor-Istoriya, pp. 50–65. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Bolgarskogo istoriko-arkhitekturnogo kompleksa, IV). (In Russ.)
- Krenke N.A., 2010. Artefacts of the Bronze and Early Iron Ages on the territory of Borovitsky Hill and its vicinity. *Pamyatniki material'noy kul'tury IV tys. do n.e. – pervoy poloviny I tys. n.e.: katalog sobraniya Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika "Moskovskiy Kreml'" [Monuments of material culture of the 4th millennium BC – the first half of the 1st millennium AD: Catalogue of the collection of the State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin"]*. Moscow: Golden-Bi, pp. 47–55. (In Russ.)
- Kuzina I.N., Kurmanovskiy V.S., Solov'ev D.S., Elkina I.I., 2020. Events of 1812 in the Moscow Kremlin according to archaeological evidence. *Triumf Pobedy v zerkale iskusstva: sbornik nauchnykh statey XXVI Tsarskosel'skoy konferentsii [Triumph of Victory in the mirror of art: Collected papers of the XXVI Tsarskoye Selo conference]*. St. Petersburg: Russkaya kollektsiya, pp. 362–375. (In Russ.)
- Lopatina O.A., Koval V.Yu., 2022. New data on the Borovitsky hill in the Moscow Kremlin in the Iron Age (pottery evidence). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 152–167. (In Russ.)
- Makarov N.A., Koval V.Yu., Yaganov A.V., Modin R.N., Panchenko K.I., 2020. New research in the Moscow Kremlin: excavations of the Prikazy building. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 96–113. (In Russ.)
- Modin R.N., Koval V.Yu., Makarov N.A., 2023. Structures of the estate layout of the 14th – first half of the 16th century at excavation site I in the Great Kremlin Garden (based on the activities of the IA RAS in 2019–2021). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*. (In Russ.) (In print).
- Osipov D.O., Koval V.Yu., Smirnov A.N., 2022. Shoe forgings from excavations in the Moscow Kremlin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 268, pp. 256–272. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 8. Prodlazhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Annals on the Resurrection list]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1859. 301 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 13, 2. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi. Tak nazyvaemaya Tsarstvennaya kniga [Additions to the Nikon Chronicle. The so-called Royal Book]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906. 303–532 p.

- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy [Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscovian and Belsk chronicles]. Moscow: Nauka, 1978. 304 p.
- Rabinovich M.G., 1971. The cultural layer of the central districts of Moscow. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and research on the archaeology of Moscow], IV. Moscow: Nauka, pp. 9–116. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 167). (In Russ.)
- Romanova E.A., 2009. Glazed pottery of the 14th–16th centuries AD from excavations in Tver. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology], 23. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, pp. 310–339. (In Russ.)
- Smirnov A.N., Koval V.Yu., Glazunova O.N., Panchenko K.I., 2020. Red-clay stove tiles from the excavations in the Great Garden of the Moscow Kremlin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 261, pp. 269–281. (In Russ.)
- Vdovichenko M.V., 2022. Sources on the development of the Prikaz embankment architectural look in the 17th century. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 267, pp. 419–436. (In Russ.)